

005018746

*На правах рукописи
Федорович*

Федорович Екатерина Валерьевна

**ЕДИНСТВО И ДИНАМИКА РАЦИОНАЛЬНОГО
И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В СИМВОЛИЗМЕ КУЛЬТУРЫ**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

12 АРР 2012

Ростов-на-Дону 2012

Работа выполнена в отделе социальных и гуманитарных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования « Южный федеральный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Коломица Наталья Викторовна

Официальные оппоненты: **Склярова Елена Алексеевна**
доктор философских наук, доцент кафедры
«Философии и методологии науки»
Южно-Российского института-филиала ФГБОУ ВПО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Коваленко Елена Михайловна
кандидат философских наук, доцент кафедры
«Перевода и информатики» факультета лингвистики
и словесности Педагогического института
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

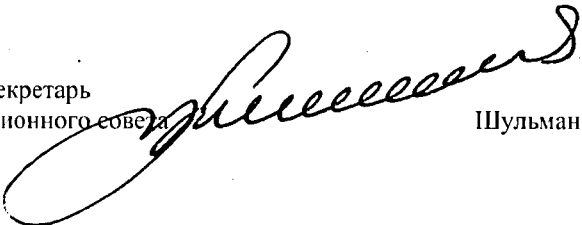
Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится « 25 » апреля 2012 г. в 15.00 на заседании диссертационного Совета Д.212.208.13 по философским наукам в Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке Южного федерального университета по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148.

Автореферат разослан « » 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шульман М.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В философии и философии культуры XX века проблема соотношения рационального и иррационального в структуре культурного символизма является особенно острой, так как традиционные попытки выяснить природу символа описательными, классификационными, системными методами всегда наталкивались не только на проблему принципиальной невыразимости ее смыслодержательного богатства (символ=абсолют, т.е. *всё*), но и на проблему разнообразия ее отражения в концепциях, их структуризации и теоретизации. Это приводит не только к осознанию гносеологического единства, но и к релятивизации понятий рационального и иррационального, к онтологизации последнего (т.е. к псевдопредметному его пониманию: «дьявол», «враг», «зло» и т.п.). В результате понятия «рациональность» и «иррациональность» становятся деятельностными формами, установками антропологического сознания и ценностями культуры, институционализируются, порождая противостояние идеологий рационализма и иррационализма.

Противостояние установок рациональности и иррациональности, наблюдающееся с древних времен, отражается в истории и философии культуры как динамика преобладания одной из них над другой; так господство религиозного иррационализма в средневековой культуре сменилось господством научного рационализма в Новое время. Но в XIX-XX веках начинается процесс возрождения иррационализма в культуре и философии; он начинается с кризиса в естествознании, связанного с концептуальными и гносеологическими трудностями в квантовой механике (символизация иррациональных факторов поведения элементарных частиц). Полномерным символическим выражением иррационализма в культуре является постмодерн, выражающий понятие свободы через оппозиции индивидуальное (необязательное)/социальное (обязательное), неопределенное

(произвольное)/определенное (навязанное), субъективное (невыразимое и непонятное)/объективное (выраженное и понятное).

Таким образом, рассмотрение единства и динамики рационального и иррационального в символизме культуры означает кризис культуры в целом, ее дисгармонизацию и дестабилизацию, приводящую к неоправданным социальным и внутрикультурным противостояниям. Поэтому культурно-философский анализ кризисов такого рода, позволяющий уточнить подлинную природу установок рациональности и иррациональности в символической культуре, поможет выйти на понимание механизма их функционирования (взаимодействия в единстве) и выявление средств их преодоления.

Объект исследования – символизм европейской культуры.

Предмет исследования – функциональная природа символа культуры, рассмотренная через генезис оппозиции рационального и иррационального.

Гипотеза. Функциональная природа символа культуры выражается через диалектизм рационального и иррационального, который разворачивается в разных формах понимания их единства и в разных содержательных контекстах; культурно-историческая и культурно-философская динамика этого диалектизма проявляется в циклическом смещении фокуса значимости с одного момента на другой.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема анализа единства понятий рационального и иррационального в рамках символа рассматривалась в работах И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, Э. Кассирера, К.Г. Юнга, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, Н.С. Мудрагей, К.А. Свасьяна, М.К. Мамардашвили.

Природа научной рациональности рассматривалась в работах К.А. Свасьяна, М.К. Мамардашвили, П.П. Гайденко, Н.С. Автономовой, А.Н. Павленко, Б.И. Пружинина, А.Л. Никифорова, И.Т. Касавина, З.А. Сокулер, В.Н. Поруса, В.С. Швырева, В.С. Степина, П.С. Гуревича др.

Проблему вненаучного знания в философии науки рассмотрели Н.С. Автономова и Н.И. Мартишина. Проблема границ рационального и

иррационального анализировалась в классических работах А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Вебера, М. Хайдеггера, К. Ясперса.

Немецкие философы Циммерли В ¹, Хюбнер К ², Г. Ленк ³, французский ученый Г. Башляр ⁴, английские философы Б. Вильсон, Я. Кекекес, В. Невтон-Смит вводят проблему рациональности в центр своего научного дискурса.

Индивидуально-мистические основания рациональности разрабатывались в трудах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Б.П. Вышеславцева, В.С. Соловьева, А.Ф. Лосева.

Проблемы взаимосвязи рациональности и иррациональности в науке были изучены в трудах Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, К. Поппера, П. Фейерабенда.

Психологический аспект культурного символизма разрабатывали З. Фрейд, К. Юнг, К. Ясперс.

Концепции культурного символизма были созданы Н. Бердяевым, А.Ф. Лосевым, А. Белым, М.М. Бахтиным, Ю. Лотманом, К.А. Свасьяном, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским, В.В. Сильвестровым, О.И. Геннисаретским, Г.П. Щедровицким.

Для автора данной диссертации оказались важными темы, разрабатываемые в работах представителей ростовской философской школы: рассмотрением ментальной природы символа занимались Е.Я. Режабек, В.П.Яковлев, С.П. Липовой, взаимосвязи античной культуры и европейской цивилизации Г.В.Драч, проблемой соотношения рационального и внерационального А.А.Зыков, проблемой анализа единства понятий рационального и иррационального в рамках символа Т.П. Матяш, проблемой форм кодирования культуры в контексте внерационального О.А.Свирипо, соотношением рационального и мифологического Т.С. Папнотова ,

¹ Циммерли В. Границы рациональности как проблема европейской философии // в Кн.: К критике научного рационализма. Под ред. Г. Ленка. Мюнхен. 1986.

² Хюбнер К. Критика научного разума. М. 1994.

³ Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität. – In: Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität. S. 12.

⁴ Башляр Г. Научный рационализм. Т. 1. М.-СПб. 2000.

рациональным и иррациональным в мотивах человеческого поведения Л.В.Рябова, проблемой труда и рациональности В.Е.Золотухин, проблемой рациональности и творчества М.В.Попов, историей исследования по культуре символа Н.В. Шишова , проблемой культурно-исторического смысла времени Л.А.Штомпель , проблемой научной рациональности Л.А.Минасян.

Цель диссертационного исследования – анализ единства и динамики рационального и иррационального в символизме культуры.

Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1. Рассмотреть рациональные и иррациональные проявления в культуре донаучного периода и формирование концепции научной рациональности.
2. Проанализировать формирование научной рациональности как познавательного идеала.
3. Выявить методологические проблемы определения понятий «рациональность» и «иррациональность».
4. Описать структурно-функциональную природу символа.
5. Рассмотреть западные философские и культурфилософские традиционные представления о функции и роли символа в культуре.
6. Предложить типологию концепций символа.

Теоретико-методологические основы диссертации.

В исследовании использованы методы сравнительного анализа, историко-генетической реконструкции, моделирования, системно-структурный подход, структурно-функциональный подход.

Научная новизна исследования выражена в следующих пунктах:

1. Рассмотрено противостояние донаучных иррациональных и рациональных проявлений в культуре символизма и механизм формирования концепции научной рациональности.
2. Проанализирован генезис рациональности, как идеала и критерия философского и естественнонаучного познания, рационализма, как научной идеологии, и проявлений иррационализма в научном знании.

3. Выявлены методологические проблемы логизации и дисциплинарной концептуализации оппозиции рациональное/иррациональное в функциональном и контекстуальном аспектах символа культуры.

4. Описана структурно-динамическая модель символа как единства и взаимообусловленности моментов рациональности и иррациональности.

5. Рассмотрена роль символа в культуре как средства формирования рационального или иррационального образа мира.

6. Предложена типология концепций символа в рамках шкалы преобладания рациональности и иррациональности в схеме их взаимодействия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В донаучный период единство и взаимосвязь иррационального и рационального проявляется в борьбе мистико-символической (например, неопределенных, непроверяемых и ничего не гарантирующих ритуалов гадания) и практической (т.е. определенной, проверяемой и гарантирующей относительный результат) установок в человеческой деятельности. С возникновением науки и концепции научной рациональности ведущей становится проблема разграничения этих двух моментов и выявления основания их связи.

2. Устойчивая тенденция к рационализации иррациональных проявлений в культуре, обусловленная развитием науки, отразилась в поисках абсолютных оснований научной рациональности, сначала на основе богословских учений (субстанция), затем – на основе качеств абсолюта (трансцендентное) и, наконец, на основе абсолютизации теории, утвердив, тем самым, рациональность в качестве познавательного идеала и заложив основы рационализма, как научной идеологии. Но в XX веке возникает тенденция к ослаблению научного рационализма в связи с иррационализацией современного научного знания и кризисом в философии, естествознании и в культуре в целом.

3. Проблема соотношения понятий «рациональное» и «иррациональное» привела к пониманию диалектической (единство оппозиций) и контекстуальной

(разноплановость) природы символа; в результате, определения этих понятий свелись к выведению одного из них из другого, как основания, к логизации, онтологизации и психологизации определений символа и к построению узкодисциплинарных его концепций (философских, культурологических, антропологических, семиотических и др.), в рамках борьбы рационализма и иррационализма.

4. На новом этапе структура символа понимается уже как единство взаимообуславливающих моментов – рационального и иррационального, в основании которого лежит абстрактно-онтологическое, теоретико-знаниевое или интеллектуально-деятельностное единство, а задача заключается в объяснении того, как, в ходе порождения одного из них другим, формируется образ мира, гармонично соединяющий узкодисциплинарные концепции символа.

5. В рамках культур-антропологии главной функцией символа становится построение образа мира, посредством рационализации иррационального или наоборот (т.е., схематизации или символизации, по И. Канту), с помощью рефлексии. Наиболее подходящей сферой реализации так понимаемого символа становится искусство, и в результате в нем появляется модерн, авангард и постмодерн; в философии возникают мистико-индивидуалистические направления («философия жизни», «экзистенциализм» и т.д.), а в культуре – контр-культурные движения, что в совокупности порождает кризис культуры в целом.

6. В свете проведенного исследования, современная типология концепций символа может выглядеть так: абстрактно-онтологический подход (осознание абсолюта русских религиозных философов); схематическо-семиотическое направление (метафорическая формализация абсолюта – в структурном и диалектическом вариантах); формально-диалектический подход (предметное единство на базе диалектической методологии); смыслодинамический подход (символ как интеллектуальное средство смыслопостроения); деятельностный подход (символ как средство социальной самоорганизации).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Проведенное исследование позволяет уточнить функциональную природу символической рациональности и иррациональности в историческом, гносеологическом и онтологическом поле культуры. Отдельные результаты исследования могут быть включены в курсы лекций по дисциплинам: «Мировая культура и искусство», «Культурология», «Методы научных исследований», «Философия», «Философия Востока».

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на Четвертом Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации», на Третьем Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Креативность в пространстве традиций и инноваций», в выступлениях на научных семинарах СКНЦ ВШ ЮФУ, кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» РТИСТ ЮРГУЭС.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения и библиографического списка из 188 наименований, из них 29 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, показана степень ее научно-теоретической разработанности, определены объект, предмет, гипотеза исследования, его цель и задачи, элементы научной новизны, тезисы, выносимые на защиту.

В главе 1 «Противостояние и взаимосвязь рационального и иррационального в символизме культуры» рассмотрены проявления этих феноменов в культуре.

В параграфе 1.1 «Рациональные и иррациональные проявления в культуре донаучного периода и формирование концепций научной рациональности» показаны толкования их соотношения в древнегреческой философии как «достоверного» и «недостоверного», обусловленного хаосом

ощущений, который необходимо упорядочить, превратив в космос. Но уже тогда Сократ демонстрировал неточность критерия разграничения «определенного» и «неопределенного», что побудило Платона говорить о естественной обязательности такого критерия. Но это вызвало протест киников – первая в истории Европы демонстрация культурного иррационализма. В римской же культуре развернулась борьба с иррациональностью мистических средств принятия политических решений – гаданиями (Цицерон «О дивинации»).

Христианская средневековая установка на божественное основание критерия истолкования любого символа (Сенека, Эпиктет, Боэций, Тертуллиан, Августин и др.) – в его определенности и неопределенности – с развитием науки была сведена к философским поискам его абсолютного интеллектуального основания, абсолютных границ между этими моментами и отношения к ним познающего субъекта (И. Кант, Г. Гегель) и к формированию концепции научной рациональности.

В параграфе 1.2 «Формирование научной рациональности как познавательного идеала» рассматривается формирование рациональности, как познавательного идеала науки⁵. В рамках символизма рациональное и иррациональное не существуют друг без друга, но в ориентированной на практику науке значение первого является определяющим, а второго – в лучшем случае – вспомогательным, а в худшем – противодействующим и искажающим рациональное познание. В качестве основания рационального в науке сначала полагалась математика – образец рационализма, затем оно было расширено до общекультурного – в рамках позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма, и в результате чего рациональность становится не просто идеалом научного исследования, но и нормативом научной деятельности,

⁵ См.: Автономова Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь / Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.

обязательной для всех ученых, культурной ценностью. Этот норматив лег в основу *рационализма* – институциональной научной идеологии и методологии, распространившейся на всю культуру. Но в XX веке, с появлением квантовой механики, начинается иррационализация и кризис физики⁶, который прошел несколько этапов своего развития – от открытия электрона до современных теорий элементарных частиц. Но главным иррациональным событием XX века, ознаменовавшим начало кризиса в мировой культуре, стало культурное явление и философское движение постмодерна, суть которого – в одновременной процедуре разборки традиционных культурных форм и их же реконструкции, то отрицании традиционных первосмыслов и одновременно сборку новых смыслов, необходимых для дальнейшей динамики культуры и самого человека.

В параграфе 1.3 «Методологические проблемы определения понятий «рациональность» и «иррациональность» анализируются попытки логизации и теоретизации их соотношения, что порождает огромное многообразие способов понимания рационального, так что при таком положении дел единственным и, как кажется, наименее мистическим фактором, соединяющим все эти аспекты и сферы, оказывается личность ученого, его разум и духовность⁷. А это заставляет вспомнить об идеях русских религиозных философов, прямо полагающих иррациональное в основание рационального и пытающихся определить первое на основе второго в логическом, онтологическом и психологическом планах. Самыми простыми (примитивными) является определения понятий «рациональное» и «иррациональное» через родо-видовое отличие, для чего между ними вводятся понятия-посредники, такие, как «нерациональное», «внерациональное», «ненаучное» и «вненаучное». Это позволяет конкретизировать основные

⁶ См.: Игнатович В. О кризисе физики в XX веке/ <http://propaganda-journal.net/1626.html>.

⁷ См.: Гуревич П.С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов)/ Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995.

понятия, обогатить их символическую структуру, но и порождает представление о «неклассическом идеале рациональности»⁸, и в который раз граница между рациональностью и иррациональностью «плывет»: возникает понятие «обыденно-рационального», прямо соотносящиеся с концепциями символа А. Шопенгауэра и Ф. Ницше – «воле к жизни» и «воле к власти», приводящих в движение культурный символизм со стороны рационального, и «веры» – со стороны иррационального. Так, на примере обыденного, стихийного сознания, мы видим дуально-структурную схему генезиса оппозиций разумное/неразумное и рациональное/нерациональное, которые вырастают из смысловой стихии в виде тех или иных понятий. В социокультурном же плане иррациональное существует не просто на уровне обыденного сознания, но и на уровне общественного; оно самоорганизуется, систематизируется и институализируется, становясь социальным и культурным феноменом. Поэтому возникает задача понять его природу не только в рамках собственно философского сознания, но и в рамках общественного и культурного бытия вообще, – рационально понять иррациональное, как таковое, не рационализируя его, а в рамках его связи с рациональным.

В Главе II «Рациональность и иррациональность в концепциях символа» эти качества рассмотрены как моменты единой концептуальной структуры символа и символизма.

В параграфе 2.1 «Структурно-функциональная природа символа» рассмотрен генезис форм выражения единства рациональности и иррациональности в структуре символа. Функциональная трактовка символа была предложена Э. Кассирером⁹. Его общелогическое представление далее

⁸ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., Изд-во "Лабиринт", 1994.

⁹ Кассирер Э. Познание и действительность. (Понятие о субстанции и понятие о функции). Изд. «Шиповник», СПб, 1912 (Репринт. издание).

развертывается в смысловом и содержательном планах: во-первых, сама динамическая структура функции задается соотношением определенности и неопределенности значений того или иного символа, что порождает некую шкалу таких соотношений – по мере преобладания того и другого параметров; эта шкала легко ложится на историю изменения и развития культурного символизма. Взаимосвязь определенности и неопределенности в структуре символа можно понимать в абстрактно-онтологическом, теоретико-знаниевом и интеллектуально-деятельностном подходах: определенно то знание, которое может быть сведено к уже известному, либо – определенно то, использование чего (будь то знание или умение) дает заранее известный, гарантированный результат; неопределенно то, что нарушает эти требования.

Соотношение рационального и иррационального само имеет символический смысл; фактически, оно выражает целый ряд аналогичных оппозиций в разных контекстах: ему соответствуют такие оппозиции, как разумное/неразумное, познаваемое/непознаваемое (философия), осязаемое/неосязаемое, представимое/непредставимое (психология), выразимое/невыразимое (семiotика), осознаваемое/неосознаваемое, очевидное/неочевидное, понятное/непонятное, рефлексивное/нерефлексивное¹⁰ (антропология) и т.д. В результате имеет место дисциплинарная концептуализация – множество разных концепций символа, в каждой из которых на первое – определяющее – место выдвигается та или иная его сторона или функция, полагаемая субстанциональной, а остальные выводятся из нее или сводятся к ней.

В параграфе 2.2 «Западная философская традиция о роли символа в культуре» показано, что символ, возбуждающий желание увидеть за знаковой формой смысловое содержание, с необходимостью побуждает мыслящего человека к рефлексии, т.е. к поиску смысловых связей и построению из них

¹⁰ См.: Матяш Т.П. Сознание как единство нерефлексивности и рефлексивности. Дисс... докт. философ. наук. Ростов н/Д., 1990.

смысловой сети, а на ее основе понятийно-категориальной системы. Однако, содержательная сфера, в которой человек это делает, определяется случайным образом, что порождает разные понимания символа и приписывает ему разные функции, что можно наблюдать в истории западной философии.

Генезис понимания функции символа можно зафиксировать в следующих определениях: знак знака (Платон), выражение смысла высших существей (Аристотель), выяснение неизреченного (Прокл), сопряжение земного и небесного (Дионисий), изображение неизображаемого (И. Кант), выражение внешнего и внутреннего единства и всеобщности вещей через посредство единичной вещи (И.В. Гёте), воплощение бесконечного в конечном (Ф. Шлегель), установление значения на место иллюзии (А.В. Шлегель), синтезирование аллегории и схематизма (Ф. Шеллинг), превращение значения в символ (Г. Гегель), ресимволизация, демистификация знака (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), соотнесение переживаемого и познаваемого (О. Шпенглер), развивать нормы рациональности (Ж. Симон). Налицо движение определений символа от описательно-метафорических к процессуально-динамическим и деятельностным.

Параграф 2.3 «Типология концепций символа» посвящен анализу наиболее известных отечественных концепций символа, в которых рациональное и иррациональное (как и другие возможные оппозиции) уже не рассматриваются как разделенные и противоречащие друг другу, и даже как взаимодействующие; но в виде функционального единства и взаимообусловленности, т.е. некоей неделимой целостности, в том или иной содержательно-субстанциальном контексте. Эта типология будет исходить из того, какие именно моменты или отношения в структуре символа полагаются авторами в качестве исходных и основополагающих, в каком содержательном контексте и в рамках какого научного направления.

Абстрактно-онтологический подход представлен следующими концепциями. Для Н.А.Бердяева «символ и символизация предполагают существование двух миров, двух порядков бытия. Символ не может иметь места, если существует лишь один мир, один порядок бытия. Символ говорит о том, что смысл одного мира лежит в другом мире, что из другого мира подается знак о смысле»¹¹; Символ и символическое сознание, по Бердяеву, «заключает в себе принцип свободы духа... ничто не завершено, не закончено, не закреплено окончательно в этом мире. Мир прозрачен. Грани его раздвигаются, он входит в иные миры, и иные миры в него входят»¹²; «Все внешнее есть лишь знак внутреннего...», поэтому символ является постоянно становящимся незавершенным смыслом бытия: «Символ всегда говорит о пребывающей за ним бесконечности»¹³.

По С.Н. Булгакову, символ есть имманентная связь с трансцендентным. Для Б.П. Вышеславцева «важно только понять, что воображение обгоняет мысль и познание в изображении неизобразимого»¹⁴. По В. Иванову, «символ сверхиндивидуален по своей природе, почему и имеет силу превращать интимнейшее молчание индивидуальной мистической души в орган вселенского единомыслия и единочувствия»¹⁵. Наиболее разработанной в этом аспекте является концепция символа А.Ф. Лосева, реконструирующая представления о символе – абсолютном и иррациональном источнике бытия – древнегреческих философов. А.Ф. Лосев считает, что «только символ есть точная и точеная идея, несмотря на присутствие иррациональных глубин сущности и благодаря им. Неисчерпаемое море сущности омывает твердые берега явленного эйдоса, и сам он насыщен и пронизан внутренними

¹¹ Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 51.

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же. С. 212.

¹⁴ Вышеславцев Б.П. *Этика преображенного эроса*. М., Республика, 1994. С. 74.

¹⁵ Иванов В. *Родное и вселенское*. М., Республика, 1994. С. 40.

смысловыми энергиями сущности. Из бездны алогического рождается миф, из непрерывной иррациональности музыки – строжайше оформленное число. Цельный символический лик сущности четырехсоставен: полное явление символа дано в мифе, на фоне мифа выделяется категориальное единство его, на этом последнем – морфное качество, и, по удалении качества, остается схемная составленность целого из частей»¹⁶.

Схематическо-семиотическое направление представлено концепцией А. Белого, который утверждал, что точные науки не объясняют мир как целое: «Деятельность – продукт ценности. А в чем ценность? Она не в субъекте, и она не в объекте; она – в жизненном творчестве. Но вместе с тем нам открывается, что единая символическая жизнь (мир ценного) не разгадана вовсе, являясь нам во всей простоте, прелести и многообразии, будучи альфой и омегой всякой теории; она – символ некоей тайны; приближение к этой тайне есть все возрастающее, кипящее творческое стремление, которое несет нас, как бы восставших из пепла фениксов, над космической пылью пространств и времен; все теории обрываются под ногами; вся действительность пролетает, как сон; и только в творчестве остается реальность, ценность и смысл жизни»¹⁷. А. Белый для наглядности предлагает две схемы, системно-знаково описывающие метафорическое содержание символа через философскую терминологию. Система символизма А. Белого является, по-видимому, самой сложной из всех предложенных: она соединяет в себе и принцип дуальности, и принцип триадности (по аналогии с двойственной природой Христа и идеей триничности Бога).

Формально-диалектическим аналогом концепции символа А. Белого можно считать систему К.А. Свасьяна, задачей которой было показать предметное единство различных научных дисциплин, на базе диалектической методологии.

¹⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа (из ранних произведений). М., Правда, 1990. С. 126.

¹⁷ Белый А. Символизм как миропонимание. М., Республика, 1994. С. 38.

В основании этой системы лежит схема функционально-диалектического единства рационального и иррационального, в рамках символа, порождающая все его содержание в рамках иерархии бытия. Символ «есть всегда единство формы и содержания... проблема символа есть *диалектическая* проблема, где тождественное положено как различное, а различное – как тождественное»¹⁸. Строя свою концепцию К.А. Свасьян использует всё, по его мнению, ценное из работ предшественников, в частности, знаковую инвариантность отношения «знак – символ», когда каждый из них может выступать в роли другого. В результате, получается эклектическое построение, соединяющее следующие признаки и функции символа: отражение объективно данного; смысловое построение действительности; символ есть символ *чего-то*, т.е. он... никогда не совпадает с собой при всем равенстве себе же; быть потенциальным и актуальным. Содержательное определение символа осуществляется у Свасьяна через категории знака, метафоры, образа, аллегории, понятия, явления, типа, сравнения, олицетворения, мифа, которые являются «суррогатами символа»¹⁹.

Из этих разъяснений понятно только то, что интерпретации символа – предметные, смысловые, контекстуальные – не подчиняются каким-либо закономерностям; они случайны и поэтому никогда не исчерпывают ни смысла, ни содержания символа, которое представлено бесконечным набором оппозиций, отражающих диалектику этого содержания. Эта концепция, хотя и называется диалектической, по сути, является описательной: описываются не предметы, а структуры и связи, без всяких разъяснений их значимости для реальной действительности (в марксистско-ленинской философии диалектика считалась самоценностью).

В *смыслодинамических* концепциях, так или иначе, отражались смысловые преобразования, как реализации функций символа. Раздвоение этого

¹⁸ Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии/<http://www.philosophy.ru>. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 72.

направления произошло по тому признаку, как именно понимаются эти «смысловые преобразования»: происходят ли они целиком внутри интеллектуальной сферы человека (семиотический подход), в рамках интерпретации текстов культуры, и обусловлены его волей, или же они ориентированы на предметно-преобразовательную деятельность, и от нее получают смысл и целенаправленность.

М.М. Бахтин в основу своей концепции символа кладет диалектический переход от образа к символу как отношение тождества и нетождества: «Переход образа в символ придает ему смысловую *глубину* и смысловую перспективу. Диалектическое соотношение тождества и нетождества. Образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он обозначает. Содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые сцепления соотносено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума. У мира есть смысл»²⁰.

Более глубокую трактовку символа, как универсальной схемы интеллектуальной творческой деятельности, дают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, которые определяют природу символа как вещную, рассматривая его в дихотомии с мифом: «Символ в этом отношении (в отношении сознания) отличается от мифа, прежде всего тем, что он – вещь, а не факт. Однако, как и миф, он останется только вещью (притом – совершенно конкретной), пока не будет интерпретирован в отношении определенной структуры (или состояния) сознания»²¹. «В рамках любого сознательного опыта сознание всегда как минимум на один порядок выше, чем порядок содержания, составляющего этот опыт сознания. И этот опыт требует другого набора состояний, пробегаемых индивидом. Или лучше сказать так: дело не в том, что индивид пробегает

²⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е, М., 1986. С. 382.

²¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1997. С. 9.

другие состояния, а в том, что он фиксирует свое мышление на других им пробегаемых состояниях сознания»²². Таким образом, сознание, в рамках символа, всегда может, посредством собственной деятельности, возвыситься над собственной содержательностью, с помощью рефлексии. «Символы мыслятся нами как репрезентации не предметов и событий, а *сознательных посылок и результатов сознания*»²³. Это значит, что, в рамках знака они выделяют, как важнейшую, функцию рефлексии, которая в разных контекстах называется – «полагание» (Г. Гегель), «опредмечивание» (К. Маркс), объективация, реификация и т.п.; ее смысл в том, чтобы считать предметом нечто, созданное человеческим сознанием по схеме предмета (через свойства, качества, отношения, функции и т.д.). Авторы пишут: «*В этом смысле символы соотносятся с пониманиями...* Понимание символа выступает как результат того, что "Я" оказывается в ситуации его понимания»²⁴. С помощью таких индикаторных выражений авторы хотят выразить ту мысль, что интерпретация и понимание есть *интеллектуальная деятельность* – форма активности познающего субъекта.

Это направление разрабатывал и В.В. Сильвестров. Введенное им единство вещи-символа и слова-символа, по мысли автора, должно выразить деятельностное единство вещей и слов, их соотносимость и взаимосвязь, поскольку только в таком единстве может осуществляться проектирование любой деятельности – ее цели, средств и оценочных механизмов.

Деятельностный подход. Трактровка символа, как схемы, ориентированной на реальную человеческую деятельность, принадлежит Г.П. Щедровицкому²⁵. Его концепция исходит из: «идеи организованностей деятельности, которая, по существу, задает межпредметное и функциональное единство Мира»; идеи

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 15-16.

²⁵ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. Изд. ШКП. М., 1995.

«различности мышления и сознания» и «вопроса о соотношении человека и деятельности»²⁶. Смысл этого – в расширении семиотической трактовки деятельности от чисто интеллектуальной до реальной. «Теоретическое мышление осуществляет как бы приписывание статуса реальности одному из описаний и исследуется соотношение этого описания с другими описаниями. Идея же практической организации мышления связана с тем, что разворачиваемые ею формы действительно осуществляются. При этом так организованное мышление... не является ни социологическим, ни психологическим, ни педагогическим объектом, а социокультурным, то есть объектом практического отношения»²⁷. Такой подход направлен на «преодоление редукции мышления к его рече-языковой форме»²⁸.

Включение в структуру символа не только предметной, но и социальной организованности деятельности, позволяет автору ввести такие понятия, как «социотехническое отношение», отражающее «деятельность над деятельностью», и понятие «организационной деятельности», как основания «управленческой деятельности»²⁹.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Публикации. По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В журналах, реферируемых ВАК:

1. Федорович Е.В. Проблема символа в философии культуры 20 века (как единства рационального и иррационального) // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2006 г., №3 – 0,15 п.л.

2. Федорович Е.В. Понимание символа в западной философской традиции//

²⁶ Попов А.А., Проскуровская И.Д. «Схема» и «символ»: на пути к не-дискурсивной концепции мышления/<http://www.fondgp.ru/lib/mmik/21>.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2007 г., №3 – 0,3 п.л.

3. Федорович Е.В. Поиск научной рациональности в западной философской традиции// Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2008 г., №3 – 0,4 п.л.

В других изданиях:

4. Федорович Е.В. Полисемантность понятия «символ» и его философский смысл / Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 4. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РИС ЮРГУЭС, 2005. – 0,5 п.л.

5. Федорович Е.В. Концепция символического в философии культуры Ж. Лакана и Ж. Бодрийяра/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 5. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РИС ЮРГУЭС, 2006. – 0,13 п.л.

6. Федорович Е.В. Роль символов в системе культуры/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 6. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РАС ЮРГУЭС, 2007. – 0,1 п.л.

7. Федорович Е.В. Проблема понимания символа в западной философской традиции/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 7. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РАС ЮРГУЭС, 2008. – 0,3 п.л.

8. Федорович Е.В. Виды символов, их структура и функции/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 8. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РАС ЮРГУЭС, 2009. – 0,27 п.л.

9. Федорович Е.В. Рациональная и иррациональная символическая природа культуры/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 9. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РТИСТ ЮРГУЭС, 2010. – 0,35 п.л.

10. *Федорович Е.В.* Символические трансформации в культуре XX-XXI вв./ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 9. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РТИСТ ЮРГУЭС, 2010. – 0,34 п.л.

11. *Федорович Е.В.* Проблема рационализации символа в западной культурфилософской традиции/ Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: Сборник научных трудов. Вып. 10. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РТИСТ ЮРГУЭС, 2011. – 0,38 п.л.

Сдано в набор 15.03.2012. Подписано в печать 15.03.2012.

Формат 60x84 1/16. Цифровая печать. Усл. печ. л. 1,0.

Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ 1503/01.

Отпечатано в ЗАО «Центр универсальной полиграфии»

340006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140,

телефон 8-918-570-30-30

www.cory61.ru

e-mail: info@cory61.ru